

Внятная интонация поэтического голоса Григория Певзнера производит удивительный эффект: словно после грохота пушек ты отнимаешь ладони, которыми защищал слух, и вдруг в тишине радостно опознаёшь шелест листвы и говор ручья, – изначальные звуки чистой ойкумены.

Дина Рубина

...Неожиданно выплеснулись удивительно цельные, свободные и естественные строки, пропитанные духом русской поэтической традиции – от Державина и Тютчева до Олейникова и бардовской песенной поэзии. В книжку отобрано и кое-что из «старенького», и получился замечательный сборник грустно-иронических, раздумчиво-философских, тонко-лирических и задорно-озорных стихотворений, объединяемых неповторимой авторской индивидуальностью Гриши Певзнера.

Александр Дулов

С чего начинается поэзия? С мысли? С чувства? У Григория Певзнера она начинается с каламбура, и такое начало, поверьте мне, надёжнее иных.

Дмитрий Сухарев

ISBN 5-903116-07-8

9 785903 116072

Григорий Певзнер

З Е Л Ё Н Ы Й ... МЕДВЕДЬ ...

Издательство «Меморис»
2006

З Е Л Ё Н Ы Й • • • М Е Д В Е Д Ъ • • •

Лине — любимой, жене, музе — посвящается.

УДК 82
ББК 84
П23

Автор благодарит Дорину и Александра Певзнер, Нинель Левандовскую,
Самуила Червинского, Нину Вишневскую, Ольгу Сазончик, Нинель Лейкину,
Ольгу Ломоносову
за неоценимую помощь в подготовке книги.

Художники: Софья и Зинаида Ждановы

Певзнер, Г. А.

П23 Зелёный медведь: Стихи и переводы / –
М.: «Меморис», 2006. – 100 с. с илл.

ISBN 5-903116-07-8

ISBN 5-903116-07-8

© Певзнер Г. А., 2006.
© Иллюстрации. С. Жданова, 2006.
© Оформление.
Издательство «Меморис», 2006.

З Е Л Ё Н Ы Й
• • • М Е Д В Е Д Ъ • • •

Григорий Певзнер

Москва
Издательство «Меморис»
2006

Сраженья Григория Певзнера

Эмиграция — действующая модель реинкарнации. Считается, что при перерождении невозможно сохранить родных, друзей и ценности из прошлой жизни. Только в глубине памяти сберегаются иногда тени прошлого опыта.

Нам с Гришей повезло. Родившись в предыдущей жизни учеником и учителем, мы встретились в новом воплощении друзьями и коллегами. Более того, оказалось, что, порознь и не сговариваясь, мы захватили в Марбург из «той» жизни одни и те же ценности — поэзию Пушкина, Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Тарковского, Окуджавы... И еще четыре строчки, сочиненные когда-то шестиклассником Гришей Певзнером и обнаруженные мною в одной из двух тетрадей, которые юный автор принес руководителю детской литературной студии харьковского двorca пионеров:

Сраженье

*Два войска сошлись на широком лугу.
Солдаты съели по пирогу.
А съев пироги, запросились домой.
Но тут, к сожалению, начался бой.*

Сражение продолжается и в новой жизни. Врач, редкостно добрый человек, постоянно озабоченный чужими заботами — проблемами родных, друзей, давних знакомых и едва знакомых, Гриша наслаждается жизнью только тогда, когда мучается стихами, когда сражается с образами и словами, которыми стремится как можно точнее выразить сомнения, догадки, еле уловимые ощущения. Он записывает строчки на клочках бумаги, а когда клочков нет под рукой или руки заняты, например, рулем машины, поэт носит строчки в голове... И порой забывает их, не успевая донести до бумаги.

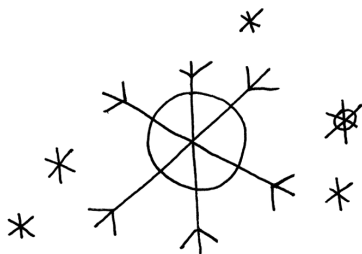
К счастью, в своих сраженьях Григорий не одинок. Плечом к плечу (и за его плечом) с ним всегда его верный соратник Лина Певзнер — жена, друг, первый читатель, муза и помощник. И если читатель услышит в этих стихах своеобразный поэтический голос (на что я надеюсь), то благодарить нужно не только автора.

Вадим Левин (Марбург)

Некурящий и непьющий,
мало, правильно едящий
и в минувшее глядящий
без досады и стыда,
а в грядущее без страха,
но без ожидания чуда...
Я таким, увы, не буду,
слава Богу, никогда.

CREDO

... ОТ ЗИМЫ ДО ОСЕНИ ...

Зима

*Лишь серый цвет на белом свете.
Весь лес уснул и сном объят.
Унылый дождь. Унылый ветер.
И буки буками стоят.*

Идиллия

Ветерок едва ласкает,
не тревожа никого.
Всё уютно, всё сверкает.
Вечер. Город. Рождество.

Вечер тихо догорает.
Колоколенка с холма
благоклонно озирает
благонравные дома,

поспешившие налиться
света каплями впотьмах.
Благодушие на лицах,
благолепие в умах.

В этот час предновогодний
всё украшено окрест...
Будь распят Христос сегодня –
как бы был подсвечен крест!

декабрь 2000

Утро

Акт первый. Первая картина.
День новый только начался.
Туман повис, как паутина,
и зацепился за леса.

Таращит солнце что есть мочи
недопроснувшийся зрачок,
и тьма сжимается в комочек,
как от булавки паучок.

Она ползёт в овраги, в щели,
и только лапки из щелей.
А солнце, вылезшее еле,
льёт свет на землю, как елей.

И елей встрёпанные кудри,
облокотясь на облака,
Господь снежком лениво пудрит
и улыбается слегка.

декабрь 2003

* * *

За окном дождя чечётка.
Дома пасмурно, нечётко,
но зато есть чай и ром.
За окном, конечно, хуже.
Злой автобус лупит лужи,
мстя за мерзкую погоду
неповинным пешеходам...
Много хуже за окном.

февраль 2006

* * *

Вечер лепит и отбеливает дерево,
голубея фонарями на столбах.
Колыбельная затерянного берега
холодеет у метели на губах.
В колыбели переснеженного сумрака
колыхание заснеженных ветвей.
Ни кармина не оставлено, ни сурика...
Не сильнее, чем от карманного фонарика,
свет от лунного залепленного шарика.
Льётся снежная на землю не спеша река,
и живое неживого не живей.

февраль 2005

* * *

Я вышел в утро. Птахи пели.
Вставало солнце из купели
и, отряхнув с себя росу,
горстями сыпало в лесу
недолговечные алмазы.
Февраль, прикинувшись апрелем,
такими птицами кричал,
такими трелями звучал,
что ясно становилось сразу
всё то, что это означать
могло, вернее, означало!
Я слушал — и во мне звучать
иное начало начало.

февраль 2002

... ОТ ЗИМЫ ДО ОСЕНИ ...

Весна

*Сижу в кайфу,
хоть старый пенёк я.
Забыто колотье в боку,
кипа в шкафу,
весны кипенье,
и лыко каждое в строку.*

* * *

Удержал мороз листы ли,
чтобы ветром шелестеть?
Иль дубы зимой застыли
и забыли облететь?

Март сменил земле одежды,
смёл подснежниками снег,
а дубы стоят, как прежде,
неподвластные весне.

И, весну не признавая,
лишь колышется едва
жестяная, неживая,
задубелая листва.

март 2001

* * *

Влажный воздух ноздри ватой
забивает. Потускнев,
одряхлевший, ноздреватый,
проседает рыхлый снег.

Солнце в тучах пропадает.
Запад солнце поджидает,
словно зверя западня.
Город тает, оседая.
Оседает мгла седая,
доедая краски дня.

март 2004

Март

Март, заметьте, на исходе,
а коты вовсю орут.
И от них флюиды прут.
Спел бы тоже – не выходит!
Всё ж в отдельные мгновенья,
столь понятные котам,
в виде зуда где-то там
посещает вдохновенье.

март 2001

* * *

Стрижи забросили раскройки
и, не закончив, смылись прочь.
В проёмах окон новостройки
уже хозяйничает ночь,

как крыса. Ждёт, чтоб солнце село,
а после лижет в небесах
ломоть луны заплесневелый,
и звёзды виснут на усах.

апрель 2004

* * *

Пронзительно прозрачны небеса,
где птицы обезумевшие мчатся.
День начался. Точнее, начался.
Точнее, собирается начаться.

март 2005

Восход

Меж отчаяньем и знаньем
есть отдашина для веры.
Презирая полумеры,
kozyря пуская в ход,
агитируют пичуги,
облепив леса и скверы.
И деревья голосуют
за предложенный восход.

Темнота разводит козни.
Но справляется легко с ней
оратория дискантов –
здесь работа не басам!
И в итоге каждый колос
отдаёт рассвету голос.
И над лысиною волос
тоже рвётся к небесам.

Лишь сороки протестуют
и от злости, что впустую,
рассыпают брань густую.
Но, натягивая луч
и смеясь над этой бранью,
новый день идёт к собранью
и выкатывает солнце
деловито из-за туч.

март 2004

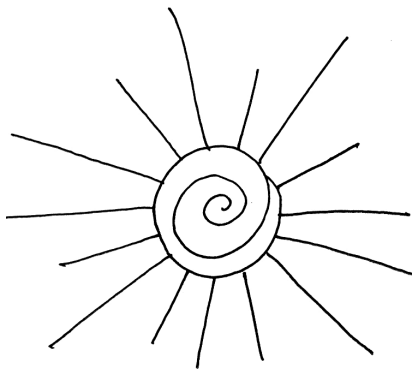
* * *

Время птиц и стихов.
Суета не успела проснуться.
За закрытыми ставнями век
до сих пор отпечаток вчера.

Не слышать петухов –
и откуда им в городе взяться?
Вот и спит человек.
Солнце радо бы в небо подняться,
но не знает: пора? не пора?

март 2004

... ОТ ЗИМЫ ДО ОСЕНИ ...

Лето

*Если радугу из мая
дотянуть до октября
и по радуге над летом,
как по мостику, гулять,*

*сверху лета не рассмотришь,
но, по мостику идя,
можно будет дёргать солнце
за торчащие лучи.*

* * *

Таков сегодня лик небес,
что даже бес — почти не бес.
Он, точно скромный ангелок,
сидит, забившись в уголок,
копя намеренья благие.
Не пьют ни Пан, ни Дионис.
Вакханки тихо улеглись,
взирая ввысь на акварель
и молча слушая свирель...
Не оргия, а литургия!

июнь 2005

* * *

Закат стрижами небо режет,
и заливает запад кровь.
Светило, раненное вновь,
не брызжет, не брюзжит, а брезжит...

Давно изученной дорогой,
прикрывшись тучей, словно тогой,
оно сползает с неба прочь.
И входит ночь.

июль 2005

Летний дивертисмент

1. Сонет массажиста

Массажисту без клиентов
летом в сауне лафа.
Из лафы ингредиентов
составляется строфа.

Бархатистые поленья
растворяются в огне.
Разомлев, лелею лень я,
и растёт она во мне.

Доползти бы до бассейна...
Я стремлюсь душою всей, но
шансов нет уже почти:

Много солнца, мало ветра,
до бассейна десять метров,
и шезлонги на пути.

2. Закат

Закат, воспламенивший небо,
как будто нёбо скарлатина,
сменила сумерек картина,
добавив к сумраку сирень
и подарив в тумане нимбы
и фонарю у самой крыши,
и фонарю луны – повыше,
на той же крыше набекрень.

3. Вдохновенье

Волшебное слово «вдохновенье»!
Им вдохновляется любой.
И рифмы славные гурьбой
к нему спешат: отдохновенье...
благоговенье... мановенье...
благословенье... Бог с тобой!
Когда июньскою порой
такою щедрою жарой
наш мир Господь благославляет,
он увлекается игрой,
он жаром мысли оплавляет,
и те слипаются порой!
Но дом, по счастью, тёсом шит,
и, в нос сочась, пьянит самшит.
И для особенной улады
(в жару уместней соловья
и чем поэзия твоя!)
сверчков смычковая семья
струи́т блаженные рулады.

июнь-июль 2003

Ночное эротическое

К ночи очи дамы долу
клонят. Сцена оживает.
В небо лунная гондола
между звёздами всплывает.

Вырываясь из вольеры,
ощутив императивы,
кабальеро-гондольеры
натянулись, как тетивы.

Время тяги, все под током,
все подхвачены потоком,
и под тем же током дамы.
Пьяны яблоком адамы,

ищут губы, шепчут имя
и расталкивают звёзды.
Всё сильнее, всё ощутимей
давит зовом вязкий воздух.

Бродит кровь, и пары бродят.
Омут страсти – нету брода!
От брожения в природе
умножение народа.

Забивает уши ватой,
каждый вал уже – девятый!
Косит стёкла! Сносит крыши!
И всё выше, выше, выше!

Ночь отравлена стрихнином —
их швыряет на стремнину!..

И уносит хороводом
то по водам, то по сводам

над луной, над облаками...
Звёзды пляшут светляками...
Звёзды тычутся в ладони,
остывая под руками,

затихая постепенно...
Ночь сдувает ветром пену...
И земля всё ближе, ближе,
и полёт всё ниже, ниже...

Нижет ночь на луч мгновенья,
ночь качает, ночь морочит.
И несёт к реке забвенья
по пустым каналам ночи.

август 2005

Предосеннее

Потянул ветер, натянул тучи,
потянул в осень, затынул в омут,
затынул песню, что всего лучше
все дела бросить и сидеть дома.

Все дела бросить – может, суть в этом?
Лучше пить кофе, чем ходить где-то.
Мол, ходить где-то хорошо летом,
ну, а вам больше не видать лета.

Будет лишь осень, целый год – осень,
и вокрут – осень, и в душе – осень.
Сколько ни просишь, не мелькнёт просишь.
Будет лишь осень. Будет лишь осень.

август 2004

... ОТ ЗИМЫ ДО ОСЕНИ ...

Осень

*Осень, вечер, дымный запах.
Небо с новым пятаком.
Тряпкой тьмы смывает запад
цвет малины с молоком.*

*Птиц кончается кочевье,
и печально надо мной
польсевшие деревья
машут жёлтой сединой.*

* * *

Утро дождиком смывает
потихоньку темноту.
Дворник мастерски зевает
с папироскою во рту.
Мокрой псиной пахнут листья.
Мокрый пёс и мокрый кот
к мокрым дамам зябкой рысью
отправляются в поход.

сентябрь 1983

Сентябрьское

Целый август моросило.
Снова врут календари.
Лица цвета хлорофилла.
Ходят мокрые хмыри.

Хмарь на небе. Хмурь на морде.
Не ведут дороги в храм.
Дождь, мечта о рекорде,
сатанеет по утрам.

Крышка лету. Солнцу крышка.
Невесёлые дела.
У автобуса отрыжка...
Знать, соляра не пошла.

сентябрь 2004

* * *

Эта песня ни о чём, ни о чём.
Просто осень подошла, подошла.
Просто ангел, прикорнув над плечом,
перья жёлтые роняет с крыла.

Просто капли дилидинь-дигидон
по лицу и по стеклу вразнойбой.
Просто лето уползло за кордон,
но хандру не прихватило с собой.

сентябрь 2004

Простуженный лес

Отправляясь за грибами,
не надеюсь на грибы.
Тучи, сталкиваясь лбами,
наморщивают лбы.

Как из носа, с неба каплет,
и в простуженном лесу
на ветвях повисли капли,
как у леших на носу.

Путь по лужам неудобен,
и везде взамен грибов
отраженья из колдобин
в окружении дубов

и пинцеты старой хвои...
А ведь я грибов прошу!
Я под нос тихонько вою,
палкой хвою ворошу.

Безнадёжна процедура.
Только вымок и устал.
И губа, конечно, дура,
раз её я раскатал!

Знать, грибные вышли сроки...
И, судьбу мою кляня,
ошалевшие сороки
матерятся за меня.

2001–2003

* * *

У меня осенний грипп. И три дня
ждёт в лесу последний гриб. Ждёт меня.
Под дождём стоит с нахмуренным лбом.
Он до гриппа звался тоже грибом.
Так что рифма ни при чём, ни при чём.
Мне назначены таблетки врачом,
мне приказано в постели лежать,
и приходится бедняге дрожать,
и стоять, надвинув шляпку на лоб,
и под листиками прятаться, чтоб
продержаться как-нибудь самому,
пока я смогу пробраться к нему.

октябрь 2004

* * *

У октября сегодня бес в ребро,
и рожа, устоять не в силах,
сняла наряд, что давеча носила.
Осталось паутинок серебро

и жемчуг капель в этом серебре,
то тут, то там сверкающий лучисто,
да редких листьев пёстрое монисто
на память о сбежавшем сентябре.

октябрь 2004

* * *

Поутру глаза разлепит
Бог и, выглянув в окошко,
врубит лето. Без обмана.
Только бабье. Над туманом
солнце спит.
Солнце брызжет.
Под туманом бродит кошка.
Ржавый лес проснулся рыжим.

октябрь 2004

Осенняя хандра

Ну вот, подвиг себя на подвиг.
И одеяло прочь отбросил.
И лихо вылез из постели.
А на фига? В природе осень.
По мостовой, незванный дворник,
продрогший ветер листья носит,
и тротуары опустели.

Хандра. Непруха. Холодает.
И небо больше не рыдает,
зато с утра до темноты
без перерыва протекает.
Сочится осень с высоты,
и предпоследние цветы,
устав от скуки, увядают.

...Но распускаются зонты.

октябрь 2005

* * *

Хоть в гамаках паучьих осень
качается в преддверье сна,
хоть суть явления ясна,
в душе беснуется весна!
В себе мы время года носим.
Весну посеял я, как озимь,
на время осень запретив.
И вот, бессилье ощутив,
листву с деревьев прихватив,
сырая осень бьётся оземь.

ноябрь 2001

* * *

Осенний дождь слепей слепого
и слепо тычется в лицо.
Он не причина, он лишь повод
тоски моей в конце концов.
Листва прикинулась грибами,
грибов в листе в помине нет.
Ловлю осенними губами
давно пропавший лета след.

1999

* * *

Я – Иона во чреве ночи.
Лежу, молюсь о спасении.
Слушаю разные звуки осенние,
без сна дожидаясь дня.
И ночь выплёвывает меня.

ноябрь 2005

* * *

Весна без сна куда приятнее, чем осень.
Весною ночь нас приближает к лету.
А эта всё твердит, что песня спета,
дождливым ветра языком.
Плетётся ночь. Поскрипывают оси
то дверью, то вороной, то сверчком,
пока – не столь существенно по ком –
не зазвонит будильник.

ноябрь 2005

... ПЕРСОНАЖИ ...

У Парки болезнь Паркинсона.
Так что же – под старость с сумой?
Ведь пенсии нет! И прядёт она сонно...
Но судьбы выходят такого фасона,
что ей неудобно самой.

Козяв Козявыч

Кто по школе муравьиной
вереницей лестниц длинной,
раздавая нагоняи,
бродит, ужас нагоняя,
и глядит из-под фуражки
так, что бегают мурашки?

Муравьёв, Козяв Козявыч, –
муравьиной школы завуч!

2004

* * *

Нездоровится вороне.
Все забыли. Вечер сыр.
Сыр обронен, проворонен.
Да и был ли этот сыр?!

Кто-то каркнул в ближней кроне
и во всю умчался прыть.
Нездоровится вороне.
Нету сыра. Нечем крыть.

Нету счастья, право слово!
Негде сыр проклятый брать...
Нету дедушки Крылова,
чтобы вкусное наврать!

2005

Лукоморье

(вариации на избитую тему)

Лукоморье. Ресторан «У дуба».
Остальное – платная парковка,
где взимает плату кот беззубый.

Бурка стал и в самом деле Сивкой.
Соловей-разбойник болен астмой
и свистит теперь без передышки.

А недавно в местной неотложке
царь Кащей скончался от абсцеса.
Смерть и впрямь была в конце иголки.

2004

* * *

Дело есть дело, заказ есть заказ –
с ночи топор я точу.
Если на утро назначена казнь,
рано вставать палачу.

Дело люблю я и делать хочу,
вялость и лень ни при чём.
Дело привычно и мне по плечу –
только проблемы с плечом.

Руку поднимешь – и больно, хоть плачь!
Вот я и плачу, точа.
С болью в плече и палач – не палач.
Кто б полечил палача?!

2005

Зелёный медведь

В тринадцать пятнадцать на главном вокзале
из поезда вылез зелёный медведь.
Его провожали снаружи и в зале
весьма удивлёнными взглядами, ведь

вполне в соответствии с временем года
все краски поблёкли и спрятался смех,
и, в общем, не позднеосенняя мода
зелёный, слегка вызывающий мех

при климате нашем. Медвежий папаша
медведя встречал, прислонившись к стене.
Весьма удивлённый. Слегка разозлённый.
Отнюдь не зелёный, а бурый вполне.

А рядом стояла мамаша медвежья,
смотрела и делалась всё зеленей
от злости, пока не воскликнула: «Где ж я
сумею в течение праздничных дней

твой мех отстирать, если нету корыта,
в стиральной машине сломался замок
и даже химчистка сегодня закрыта?!
Хоть раз обо мне ты подумать бы мог!»

Но сын ей ответил: «Прекрасно на свете!
Всё в розовом свете, и слышится вальс...»
«Ты болен?» – «Здоров! Я с прекрасной коровой
вчера обручился. И вот мы у вас!

Подруга со мною – и осень весною
становится, в явь превращаются сны!
Траву вместе с ней ем, и мы зеленеем
от этой травы и от этой весны!»

Но тут расступилась внезапно толпа и
застыли прохожие, впав в забытё,
увидев: по залу корова ступает,
и луч золотой провожает её.

Корова была абсолютно зелёной:
рога, и бубенчик, и кончик хвоста.
Зелёной, как листья! И смотрит влюблённо
влюблённый медведь. И вокруг неспроста

послышались вдруг соловьиные трели,
и звуки капли, и чья-то свирель.
И все, кто смотрели, внезапно запели,
внезапно ноябрь превратился в апрель.

И солнечный луч, точно огненный провод,
влюблённых пронзил и сильнее связал.
Расправили крылья медведь и корова,
взлетели и в вальсе покинули зал.

И тучи, рассеявшись, солнце открыли,
и пенилась радость, залил берега.
У многих в толпе тоже выросли крылья!
А кой у кого появились рога...

И видели все в половине второго,
как, неба заполнив простор слюдяной,
два облака плыли: медведь и корова.
И солнце сияло. И пахло весной.

2001

Аз-Буки-Веди

Зверел Кирилл. Кирыл Мефодий.
Не шла работа, хоть убей.
Курился ладан. Средь угодий
гонял мальчишка голубей.

Дождь стих. Повеяло сиреню.
Бежали тени по песку.
Кирилл, измученный мигренью,
провёл ладонью по виску.

Пробилось солнце. Деловито,
руладу пробную послав,
запел скворец. Ждал алфавита
через неделю Ростислав.

Скворец зашёлся, как вития.
Скворец собой заполнил сад.
Назад тянула Византия,
но не было пути назад.

Он глянул в сад, взывая к чуду.
Там, за окошком из слюды,
через сырой песок повсюду
бежали ижицей следы.

И, ощущая волю Божью,
застыл растерянно Кирилл.
Потом схватил перо и с дрожью
значок несложный повторил.

Нарисовал похожий. Вроде
посимпатичнее на вид.
Орал скворец. Храпел Мефодий.
И начинался алфавит.

* * *

У Парки жизнь – не позавидуешь:
сиди, верти веретено.
А олимпийцы – боги с виду лишь,
и на уме у них одно!

Бесстыжих девок парни ражие
таскают, тиская, в кусты,
а ты корячишься за пряжею
от темноты до темноты!

А ты проводишь жизнь в труде свою,
а ты работаешь без сна!
И что в итоге? – Старой девою
тысячелетия одна!

Да что там! Пенсия по старости –
и та не светит! Свинство! И
понятно, что дрожит от ярости
и нитки рвёт она свои.

Чем дальше, больше раздражение...
А под руками нить моя!
Она звенит от натяжения,
а я-то грешен – грешен я!

И знаю точно: путь мне мой в раю
не завершить наверняка!..

Не будь же ты такою мойрою!
Не дёргай ниточку пока.

2004

... БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ ...

Бог — он всё-таки Бог.
Он, pardon, не кончал семинарий,
где учили б, как надо,
а он бы учил назубок.
Бог отнюдь не жесток,
но, увы, сочиняя сценарий,
связан рамками жанра.
А тут уж бессилен и Бог.

* * *

Не изменяется сценарий –
лишь декорации слегка.
Лишь подновляет тексты арий
их написавшая рука.

Натужно ухают мортиры,
на авансцену гонит дым.
И молодые дезертиры
стучатся к вдовам молодым.

Война разумна ли, бредова ль,
но на войне, как на войне:
и вдоволь вдов, и дела вдоволь.
И мужики всегда в цене.

2004

* * *

Слава Богу, что не всё «слава богу»,
слава Богу за добро и за зло.
Слава Богу, что отпущен в дорогу,
я в дороге — значит, мне повезло.

Будет долгою она иль короткой,
будут славить иль камнями швырять,
дай мне веру, дай мне мудрость, чтоб кротко
«Слава Богу!» каждый раз повторять.

Если можно, то не взыскивай строго,
не испытывай меня на излом,
милосердным, если можно, будь Богом,
и не надо «по делам — поделом».

Милосердным, а не праведно строгим,
не спешащим, если что, наказать
Богом будь. И, завершая дорогу,
дай мне силы «Слава Богу!» сказать.

1999

* * *

Молюсь тем чаще, чем я старше,
старательней день ото дня.
Но Богу всё не до меня.
И нет у Бога секретарши.

2001

Попытка самоутешения

Не знаю, кого читать мне раньше:
живых, ушедших или безумных...
Не говорите, что Бог – обманщик!
Он просто малость себе на уме
и,
наверно, виды свои имеет,
имеет планы и на меня
и
мне, может, даже их объясняет.
Но я не слышу.
Здесь слишком шумно.

2002

* * *

Жить на свете нелегко нам.
И, увы, не нам одним.
Незнакомые с законом,
мы виновны перед ним.

Компроматы кто-то копит,
и, бессмертен и небрит,
кто-то шлёпает по попе,
а за что – не говорит.

2005

* * *

Благодарю тебя, Господь, —
ты вновь даёшь на это силы.
А то, признаться, заносило
меня настолько, что порой
я что-то гневное бросал
куда-то в направленье рая,
в душе от страха замирая,
поскольку, скажем, не герой.

2001

* * *

Отрекаться нам от вины на кой?
Он из наших был – Назорей.
Начиналось дело Ханукой
эры нынешней на заре.

Было по морю, аки посуху,
всяк хлебами был рад хрустеть.
Только двигалось дело к Песаху
и закончилось на кресте.

Как креста того перекладины,
разошлись дороги в веках.
Пару тысяч лет не поладим мы,
не поделим Бога никак.

Некрещённый и необрезанный,
атеизм сдававший на «пять»,
я стою.
Не найти нетрезвому
ни вперёд дороги, ни вспять.

2001

* * *

Нарыву пророчества надо назреть –
сия аксиома проста.
Ты можешь, крича, на кресте умереть –
и не докричаться с креста.

И это, ей-богу, не худший исход –
за смертью приходит покой.
Не благословишь ты крестовый поход
бессильной перечить рукой.

От муки раскаянья убережёшь
добро, породившее зло.
Костры инквизиции ты не зажжёшь.
И, значит, тебе повезло.

2004

... ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ ...

Планета выгнет спинку, как кот на канapé.
Пойду, как по тропинке, по тропика тропе.
Довольно жить в Европе! Отныне всё не так!
Мне нужен Рака тропик и этот самый Рак!
Чайку возьму, сухарик и сахару кусок –
не сахар, чай, в Сахаре! Не сахарный песок!

Харьков. Госпром*.

Январь, запасы промотав,
трясёт остатки из кармана.
И мокрый снег, едва упав,
взлетает клочьями тумана.

Туман упрятал звёзды в торбу
и хочет город запихнуть.
Госпром верблюдом многогорбым
прилёт на площадь отдохнуть.

Как дротик в холке у быка,
в его хребте торчит антенна.
А стены вовсе и не стены,
а просто впалые бока.

Конец корриды. Боль в спине.
Во сне немеют коридоры.
Домой ушли тореадоры,
и снег ложится в тишине.

** Госпром — огромное разноэтажное конструктивистское здание на самой большой площади бывшего Союза.*

1980

Берлин

Все прутся в Берлин – попрусь и я.
Сказано – сделано. Прусь.
Припёрся. Такая Пруссия,
что напоминает Русь!

2005

Москва, Питер, Марбург

Мне всегда казалось, что писать о Марбурге после Пастернака – всё равно, что пытаться изобразить Мону Лизу после Леонардо. Тем не менее я попробовал это сделать, но ничего хорошего в итоге не получилось. Я живу в этом городе уже довольно долго. Я бывал и в других городах, где есть замки и фахверк. И я начал, каюсь, порой сомневаться в том, что эта роза столь уж единственна во вселенной.

Но недавно я побывал в России. Я увидел после долгой разлуки Москву и Питер. И понял, что смены режимов и время для страны подобны проявителю и закрепителю. Ведь Москва ещё больше стала Москвою, ну, а Питер – остался Питером.

Москва на подмостках истории сродни Пугачёвой на сцене. Глупо пытаться быть к ней равнодушным. Бессмысленно пробовать расчленив в её образе гениальное и вульгарное. Бесполезно стараться устоять перед её обаянием и натиском, но и выдерживать их нелегко. И загадочная русская душа тишится именно здесь явить себя миру, но за толстым слоем дорогой импортной и дорожающей местной косметики её нелегко бывает увидеть и распознать. Любая эпоха, каждая мода диктуют свои правила игры, свои нормы, и Москва, подхватив всё рьяно, доводит если не до абсурда, то до предела столь абсолютного, что даже Париж поёживается невольно, ощутив себя слегка провинциалом. Рассуждать же о китче и фарсе, если сам в него втягиваешься без остатка, едва успев сойти с трапа самолёта, вроде как-то и неудобно.

«Да, но причём здесь Марбург?», – спросите Вы законно, и я Вам отвечу: «Питер! Дело, конечно, в нём!»

Тьма городков немецких, а не конкретно Марбург фахверковой игрушке подобна, если взглянуть.

Много есть мест на свете, где мосты над водой повисли,
а Питер – единственный Питер, даже вдали от воды!
Что же роднит, однако, оба города этих,
друг другу противоположных во многом, почти во всём?
А то, что они подобны парижскому спаниелю,
которого нет на свете, но о коем писал Булат.
В каждом булыжнике старом, в каждом рассвете сером
то самое благородство, которого нет у меня.
Я-то, увы, дворяня и чужд аристократизма,
но в городах и собаках очень его ценю.

2001

Прощание с Израилем

Оказавшись в раю, улетают из рая ль?
Что ж я землю твою покидаю, Израиль?

Где, как пёс на цепи, присмирившее время.
Где кипу нацепить порывается темя.
Где мотается люд – то дела, то бои, – но
неподвижен верблюд у шатра бедуина.
Где глядят на беду и на бой, как на будни.
Где порой, как в аду, но ещё многолюдней...

Я попал, как домой, в помесь рая и ада.
Может, ад этот мой? И другого не надо?
Но семья не поймёт, да и пороку нету.
И летит самолёт, огибая планету.

2005

* * *

«Британской музы небылицы»
А. С. Пушкин

Британской музы небылицы,
германских будней заморочки
милей, чем боли русской были,
для нас, не созданных для боя.
И здесь мы «есть», а там мы «были».
Мы явно родились в сорочке.
Мы ухитрились сохраниться...
Лишь перестали быть собою.

2005

НЕ СВЯЗАННЫЙ УЗАМИ ... С МУЗАМИ ...

Лина

*Кому диктует Бог,
кого морочит дьявол.*

*А у меня жена
шебечет над плечом.*

*И если что не так,
то заявляю я вам,
что это всё она,
а я здесь ни при чём!*

* * *

Я не Тристан и Тристаном не стану.
Ты не Изольда и не изо льда.
Меч по ночам между нами не стану
класть. И любить я тебя не устану.
Ты – моя пристань. К тебе я пристану
и не отстану уже никогда.

2002–2003

* * *

Когда на небе тучи вспухнут
и молнии клинками вспыхнут,
как будто горний небопашец
вспахать надумал небосвод,
тогда в преддверье урожая
давай, его опережая,
домой, под ливень не попавши,
не дожидаясь с неба вод,
с тобой сбежим! И там на кухне
через окно, как туча пухнет,
как плодоносит эта нива,
давай смотреть с тобой вдвоём
и ощущать, какое благо,
когда не с неба льётся влага,
а в чашке плещется лениво
и ждёт, что мы её допьём!

2003

* * *

Поварёшка на стене у окошка.
Ночь, как кошка, улеглась, от ходьбы
подушав, и притаилась, как кошка.
Мы сидим с тобой и чистим грибы.

Мы с тобою припозднились немножко,
и носами мы клюём в унисон.
На пол падают то шляпка, то ножка.
Мы с грибами погружаемся в сон.

Свет сознания в глазах наших тухнет,
опускаются усталые лбы.
И нам снится, что мы ночью на кухне
засыпаем, не дочистив грибы.

2004

* * *

Ночь к рассвету устало клонится.
И, к утру уговорам вняв,
на подушке моя бессонница
прикорнула, меня обняв.

Я покинул уже давно б её
и ушёл от неё ко сну.
Я улёгся бы поудобнее,
да боюсь разбудить жену.

2005

НЕ СВЯЗАННЫЙ УЗАМИ ... С МУЗАМИ ...

Прочие музы

*Повторяю раз за разом,
резюмируя грехи:
чем реальнее маразм,
тем обильнее стихи.*

* * *

Утро. Кухня. Мусор. Кафель.
Сумрак. Кофе с парой вафель.
Сумрак серый. Кафель грязный.
Мир такой разнообразный!

2004

Источник вдохновения

На батарее пыль и по углам.
Бутылок батареи. Хлам повсюду.
И всюду книги. Грязную посуду,
разбросанную по столам,
в один присест не вымыть. И спасти
порядок неохота. Проще вынуть
бумагу, ручку, стул к столу придвинуть
и это безобразие описать.

2005

* * *

Порой хороши, чаще плохи,
стихи для души – что блохи!
Ползут по душе, грызут
и вызывают зуд.
Расчёсана вся душа...

Не пишется ни шиша.

2003

* * *

Аполлон всучил кайло мне, заточил и выдал лом.
У души в каменоломне я орудую кайлом.

Пыль вдыхаю. Кислороду не хватает. Но с утра
лишь порожнюю породу отправляю на-гора.

Целиком ли, по кускам ли – только камни! Я грушу.
Я же всё-таки не камни, я сокровища ищу!..

Ни шиша. Свеча скончалась. Ковыряюсь в темноте...
Иль душа не та попалась? Или методы не те?

2004

* * *

Наружу просятся стихи.
Но не могу сказать, о чём,
и, как их выпустить наружу,
не знаю. Образы ловлю.
Мечусь, страдаю – ни строки.
Ни капли. Где уж там ручьём!
Я струшу, принципы нарушу
и, притянув для рифмы душу,
душой для рифмы покривлю.

Пускай бы тронулось, пошло,
пускай бы двинулось немножко.
Глядишь – и под гору дорожка.
И поползло. И понеслось.
Тогда я, в зубы взяв стило
и неуклюже дёрнув ножкой,
авось запрыгну на подножку.
И влезу. И махну в окошко:
мол, всё в порядке! Завелось!

1999

* * *

Лёгкий плод души строптивой,
сочиняться поспеши.
В глотку тела льётся пиво
для спасения души.
А душа в тоску, как в заметь.
Тело пьёт, едва дыша.
Изошла душа слезами.
Обезвожена душа.

1999

* * *

«Душа обязана трудиться»

Н. А. Заболоцкий

Душа обязана трудиться...
А телу это ни к чему.
В покое телу находится
сподручней, судя по всему.

Решить, что праздность не беда, и,
держа культю карандаша,
лежать, спокойно наблюдая
за тем, как трудится душа.

2003

* * *

Мне тоскливо, Господь! Изнутри берedit беспокойство.
Не найду себе места. Но стыдно к тебе с этим лезть.
Лишь бумажный листок под рукой утешает иллюзией свойства:
мол, как будто бы «в стол», мол, не с тем, чтоб кому-то
прочесть.

А потом всем и вся суетливой рукой сутенёра
своих детищ подсуну, спеша угрызенья унять,
ссыпав мелочь в карман тех похвал, не поверю которым,
и купюры советов, которые не разменять.

2001

Непоэт и Муза

Ты любишь по утрам любовью заниматься,
когда на грани сна не хочется вставать.
А хочется лежать, лениво обниматься,
тела и души греть и сладостно зевать.

И Муза иногда вполне тебе подобна:
заглянет с утречка, под боком полежит,
пошепчет на ушко, устроившись удобно,
слегка подзаведёт и снова убежит.

Бывает и не так, бывает, что порою,
порыву уступив иль перепутав роль,
сама увлечена любовною игрою,
задышит, задрожит и, кажется, контроль

готова потерять. И вот, устав от флирта,
не в силах обуздать безумие своё,
от страсти опьянев сильнее, чем от спирта,
я, как влюблённый лось, бросаюсь на неё.

Поводья отпустив, любовные движенья
она уже начнёт, дрожа в моих руках,
но всё ж, не допустив последнего сближенья,
рванётся и меня оставит в дураках.

Она бы и не прочь, но оплодотворенья
боится, как огня, и хочет избежать.
Ей ясно, что, зачни она стихотворенье, –
то ей его носить и ей его рожать.

Что ей его растить, лечить его болезни.
Она мне говорит, нисколько не тая,
что я, конечно, мил, но нету бесполезней
супруга и отца, чем, извините, я.

Что толку от меня, по совести, немного,
и, если что не так, я буду лишь мешать,
я буду мельтешить, молить о чём-то Бога,
а ей самой тянуть и всё самой решать.

Что тлеет в ней любовь, как угли в очаге, но
всё это ни к чему, и нечего ловить.
И что пора понять, что при моих-то генах
мне лучше чьи-нибудь стихи усыновить.

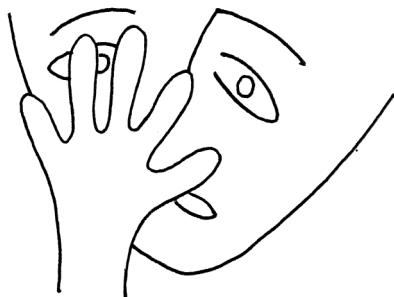
Увы, она права! Но что мне в этом проку?
Она могла бы знать, судьбу мою сгубив,
что это лишь слова, что я при всех пороках
не только незлобив, но и чадолюбив.

И мне милы стихи чужие, точно дети, —
ценю их красоту и благородство их.
Да! От меня таких родить, увы, не светит,
и я ласкаю их. Но хочется — своих!

А Муза вновь с другим. Обида скулы сводит.
И хочется завывать и Музе крикнуть: «Блядь!»
при виде всех отцов, которые выводят
прижитых с ней детей на травку погулять.

2003

... NOBODY IS PERFECT ...

*Несовершенство тяготит сильней
своё, чем спорное несовершенство мира.
Несёшь, как крест, клеймо уцербности. Жалей
себя... и всё ж не сотвори кумира
из недосотворённости своей!*

* * *

Итак, не состоялся жизни пик.
А то, что принималось за подъём,
похмельно превращается в тупик,
который заполняет окоём.

И дальше – тише эта круговерть,
круговорот восторгов и невзгод.
И чья-то смерть – всего лишь чья-то смерть,
а Новый год – всего лишь новый год.

И нету мочи это продолжать,
хоть нет желанья это оборвать.
Вставать, бежать, лежать, вставать, бежать.
Кровать, работа, телефон, кровать.

И в будни зарываешься, как крот.
...А тот, кто за судьбой твоей следит,
не веря в то, что ты уже банкрот,
со всех сторон сулит тебе кредит.

1990

* * *

Одуревшими глазами
я смотрю в конспекты, грезя.
Завтра ждет меня экзамен,
а в башку другое лезет.

Бесполезно утлый тает
лет запасец, что остался.
Уплывает, улетает,
ускользает между пальцев.

Дом не строен, сад не сажень,
день без толку, год без ладу.
Дети есть, но только я же
даже детям не дал ладу!

Мало понял я на свете,
но и мало толку заиться,
что я с ними даже этим
не сумею поделиться.

Не сумею дотянуться,
достучаться, докричаться.
Не успею оглянуться,
а они уже умчатся.

Дети – инопланетяне:
погостили – улетели.
Мы же – *древнеегиптяне*,
уцелевшие доселе.

Дети! Есть мне что сказать вам.
Только я никак не справлюсь.
Как бы нам бы... это, – взять вот,
устранить бы неисправность.

Как на фронте: связь наладить,
и, собой обрыв замкнувши,
все отладить, все уладить,
все понявши, как проснувшись.

Я кричу, а голос тише.
Ветер прочь слова уносит,
и они меня не слышат...
И, увы, не переспросят.

1999

Высокопарное

Увидеть, выйдя на балкон,
что в мире всё, как испокон, —
за горизонта рубикон
плывут обрывки кашемира.

И, приготовившись ко сну,
но заглядевшись на луну,
на миг расслышать тишину
полифонического мира.

2001

* * *

Заброшен кем-то в судьбы ручей,
плыву, бессмысленно бормоча,
что я устал и что я – ничей!
Мне всё до лампочки Ильича.

2002

* * *

На стекле вагонном виснут
капли, в струйки превращаясь.
Я в мгновение это втиснут,
но в него не умещаюсь.

Я в минувшем и в грядущем,
а не в поезде, идущем
сквозь идущий дождь плакучий
из ползущей в небе тучи.

Пусть меняется убранство,
время так же, как пространство,
распадается на звенья.
Дождь идёт. Идут мгновенья

друг за дружкой без сбоя.
И мгновение любое
полновесно, необъятно
и ничуть не меньше дня,
но в отместку, вероятно,
не вмещается в меня.

2002

* * *

Гонит век, как будто начат
под созвездьем гончих псов.
С каждым днём быстрее скачут
стрелки всяческих часов.

Нет уже для этой гонки
сил у тела и души.
Посиди себе в сторонке,
отдохни и подыши.

На подушке оттиск ухом
сделай, комкая бельё,
потоскуй по потаскухам.
Впрочем, — это не твоё.

Что там девки! Даже муза
избавляет от хлопот,
если, извините, пузо
прикрывает то, что под!

2004

* * *

Лафа не в том, чтоб на лафете
проехать в фирменном гробу.
А в том, чтоб вот — жена и дети,
толпа друзей, лафит в буфете...
И ты, обласканный всем этим,
имел бы наглость и возможность,
забывши стыд и осторожность,
порой поругивать судьбу.

2005

По следам...

Не обучен я словам броским.
Не доступен я мыслям сложным.
Хорошо, конечно, быть Бродским,
но и Певзнером прожить можно.

Потихонечку коптить воздух,
не срывать без толку стоп-крана.
В сорок восемь начинать – поздно.
Но зато и прекращать – рано!

2004

* * *

Апрель на дворе ли, спую ли в июле,
нельзя постоять, оглянуться нельзя.
Дурацкая спешка, как будто бы пешка
пытается делать работу ферзя.

Природа манит, но мешает порода,
но карма такая – прожить на бегу.
Наряды меняя, флиртует природа,
а я отвечаю: «Pardon! Не могу!»

Природу, однако, пронять нереально:
она всё равно на своём настоит.
То верба вербует весьма невербально,
то в платянице бальном вербена стоит.

Сквозь зелени ситцы щекочется солнце...
И я уступаю – была не была!
Плюю на дела: как-нибудь рассосётся!
И в лес отправляюсь, забросив дела.

2005

* * *

Какая вязкая слякоть...
Какая зябкая сырость...
Мне раньше нравилось плакать,
но я из этого вырос.

Я стал кусать себе локоть
и наловчился отлично.
Мне больше нравилось плакать,
но, говорят, неприлично.

2005

* * *

Стать боюсь я горстью праха
и пока не тороплюсь.
Но сильнее боюсь я страха.
Страх, как я его боюсь!

2005

... АЗ ЕСМЬ... ..

Во сне куда сильнее, чем наяву,
иллюзия того, что я живу.
Не лезут в голову бессмысленные мысли
о том, что всё бессмысленно...
О смысле
забыв, я по течению плыву.

* * *

Каждый ищет своё –
и находит своё.
Тот святую приводит
в родное жильё,
этот – шлюху,
красотку,
урода.
Ну а я над землёй
обвенчаюсь с петлёй.
Чем, скажите, не честь?
Ерунда! –
Дырка есть,
и название женского рода.

1978

* * *

...Мы расстались вчера. Но ещё не однажды
будет всё, как воспето: темно и свеча.
Будет ночь до утра и для каждого каждый,
и в бокале вино, и плечо у плеча.
Я привычно налью многократно, а дальше
расскажу, как несложно пускался вразнос.
Я привычно спою с обаятельной фальшью,
вдохновенно гнусавя в заложенный нос.
Что-нибудь набекрень, взгляд героя Гаскони,
удалые ухватки, золотое руно...
Я, друзья, – Тартарен, и в моём Тарасконе
старой шкуры остатки мошь сожрала давно.

1980

* * *

Я не сплю три ночи кряду,
и саднит душа в тиши...
Мне бы йоду, или яду,
иль таблеток от души!

2004

* * *

Буря мглою небо кроет,
как кобылу жеребец.
Небо хмурое и злое,
на кладбище ветер свищет,
парус счастья не ищет...

И в душе былая рана
затянулась, как ни странно.
Только чешется рубец.

2003

Осенние мысли

Лепестки облетевшие розы,
словно перья растерзанной птицы,
обагрывают осеннее утро,
нагоняя пустую тоску.
Жизнь нас дрючит, меняя лишь позы,
но недолго всё это продлится.
Время сыплем мы грустно и мудро
между пальцев, подобно песку.
Осыпаются годы, как листья,
как размоченная штукатурка.
Нашу молодость, словно белила,
время-ливень смывает с лица.
И всё чаще, хоть злился, хоть не злился, я
понимаю, что память-шкатулка
от того, что приснилось, что было,
лишь осколки хранит до конца.
Тень от тени, осколки осколков –
небогатое это богатство.
И его нам придётся оставить,
разделяясь на душу и прах.
Прах есть прах, о душе же нисколько
я не ведаю. Пусть святотатство
мне Всевышний в вину не поставит.
Мне и так наказанием страх.
Что бессмертна душа, – допускаю.
Ей досталось не лучшее тело.
Но друг друга терпеть они будут
до прощанья на том рубеже,
где куда-то тела опускают,
а душа, если есть, отлетела.
Но меня, толстяка и зануды,
как хотите, не будет уже.

* * *

Упрямо упираемся с утра мы
и кутаемся в дрёму, а пока
рассвет распят на переплёте рамы
и кровью пропитались облака.

И этот факт накладывает вето
на наших сновидений дребедень.
Нам не избежать участи рассвета,
и на себе нас распинаят день.

2004

Песня

О чём печалишься во сне ты,
когда с души покровы сняты?
Зачем в предчувствии утраты
на грани сна грустишь с утра ты?

В тебе под утро прозвучали
слова чужой, иной печали.
Они возникнут на листе ли?
Они едва прошелестели.

И с ними надо бы прощаться.
И в день пора бы возвращаться.
Но, о себе напоминая,
горчит печалинка ночная.

2003

* * *

Вот, похоже, и всё.
Не споткнусь на пороге.
Лишь помедлю слегка,
оглянувшись с порога.
Были вместе дороги –
разбежались дороги.
У тебя есть дорога,
у меня есть дорога.

Покружившись по кругу,
мы выходим из круга.
Выше уши, мой друг!
Не грусти, Чебурашка!
У тебя есть дорога,
у меня есть дорога.
Нарисуй мне барашка!
Нарисуй мне барашка...

2004

* * *

Развешиваю память на просушку
на каркасе предутренной дрёмы.
Любопытное солнце
рассматривает её.
Память моя с колокольчиками.
Под ветерком они начинают позвякивать,
иногда попадая в резонанс...
Предутренный дивертисмент памяти.

2004

* * *

Память отрастает, как волосы.
Или, скорее, как ногти.
Только её обрезать не надо.
И обгрызать не надо.
Её обгрызает время.
Но обгрызает неровно,
оставляя дурацкие выступы,
а, главное, заусенцы.
Они всё время за что-то цепляются,
рвутся, болят и кровоточат.

2005

* * *

Жизнь выкуриваю, как сигарету...
При каждой глубокой затяжке
разгорается перед глазами
яркий огонёк.
Дым развеивается.
Огонёк
становится тонким стебельком.
Ещё секунда –
и он осыпается пеплом.
Интересно,
как оно будет,
когда докурю до губ?

2001

* * *

Мне много бы уметь.
Иметь —
 не много бы, но так,
чтобы хватало.
Домой с работы приходиться устало.
Нечасто петь,
 но хоть порою так,
чтоб за душу хватало.
И успеть,
 пред тем как взгляд,
в котором взгляд иссяк,
навек к веку пригвоздит пятак,
взглянуть назад.
Взглянуть вперёд, во мрак,
где ждут меня, по слухам, праотцы.
Успеть подумать: «Отдаю концы...», —
вздохнуть и оттолкнуться от причала.

2004

* * *

Спокойная, размеренная жизнь
спокойного, размеренного утра.
Солидная, размеренная смерть
в такое органичней, чем всегда.
И очевидней: сколько ни кружись,
а в океан вольётся Брахмапутра.
И прекратится эта круговерть.
И это, вероятно, не беда.

2004

* * *

Когда бы всю тщету и бесполезность
земного моего существования
мне удалось в немногих точных строчках
так передать, что каждый прочитавший
(конечно, если сам того захочет)
почувствовать сумел бы и понять,
то стало бы моё существование,
возможно, и не столь уж бесполезным,
что было б явным нарушением правил.
А значит, и не следует пытаться,
поскольку нету шансов на успех.

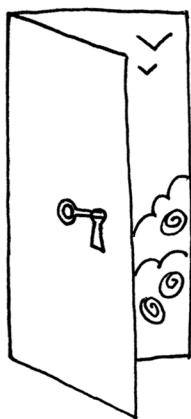
2005

Вы будете смеяться, —
а всё-таки я жил!
Таскал неаппетитный панцирь
из жира и из жил.

И лёгкие свистели,
с усилием дыша...
А где-то в этом теле
барахталась душа.

COD A

... ПЕРЕВОДЫ ...

Переводы из
Ф. Ницше
И. В. фон Гёте
Р. М. Рильке
Г. Тракля

Из Фридриха Ницше

Жёсткость

Мне вверх до цели сто ступеней,
Ваш стон за мной настырней тени:
"Ты крут! Камням ли мы под стать?"
Мне вверх до цели сто ступеней,
Но кто готов ступенью стать?

2003, 2006

Ессе homo

Знаю, кто я. Я пылаю,
Точно пламя, сам сгораю,
Но сжигаю тьму и ночь.
Всё светиться заставляю
И лишь ўгли оставляю:
Пламя я. Сомненья прочь.

2003, 2006

Из Иоганна В. фон Гёте

* * *

Жалкие страхи,
Ползание в прахе,
Вздохи, рыдания,
Бабы стенания
Вам не помогут,
Если беда.

Стисните грубо
Пальцы и зубы,
Не пригибайтесь,
Не поддавайтесь —
С вами и боги
Будут тогда!

2002

Из Райнера Марии Рильке

* * *

Тиха мелодия ручья,
лишь лес со всех сторон.
Впадаю в полудрёму я
от колыханья крон.

И явь, как тень, мне не поймать,
но в сердце ясность дня.
Уединение, как мать,
баюкает меня.

2003

Начало

Кто б ни был ты, однажды выйди в вечер
из пыльных комнат, полных суеты.
Дом у обрыва, за обрывом — вечность,
кто б ни был ты.
Ты, оторвав от стёртого порога
усталый взгляд очнувшихся очей,
им древо воздвигаешь перед Богом,
и чёрный ствол возносится — ничей.
И вот ты создал мир. И он велик.
Он словом зреет в недрах немоты.
И, ощутив, что суть его постиг,
глаза спокойно опускаешь ты.

2003

На сон грядущий

Исполнить пустячную прихоть,
баюкать, как птицу сосна,
о чём-то чуть слышно мурлыкать
и нести тебя в сон и из сна.
Я хочу быть единственным в доме,
для кого воеет ветер в трубе,
и прислушиваться к полудрёме,
ко вселенной, к ветру, к тебе.
Часы пробили, борясь со сном,
и время прозрачно до дна.
И кто-то чужой прошёл за окном,
и псы лишаются сна.
И вновь тишина. Весь мир затих.
Я взгляд посылаю тебе,
и он держит тебя, отпуская на миг,
когда ветер завоюет в трубе.

2003, 2006

Из «Сонетов Орфею», Часть I

Сонет I

Вставало древо. О превозмоганье! –
Орфей поёт! – О вознесённый ствол
во слухе! Всё умолкло. Но в молчанье
был новый знак, начало, торжество.

И твари через лес из тьмы на свет,
из чащи, от берлог своих и гнёзд
к певцу брели, не от коварства, нет,
и не от страха тише горних звёзд,

а вслушиваясь. Рык, и рёв, и гам
стихали в сердце. Тесная нора,
где раньше, страхом пойманные в сети,

метались звуки низменные эти,
нора, где злоба правила вчера,
твоею песней превращалась в храм.

1999, 2006

Сонет II

Как девочка, рождалась и была
и песней, и певцом, и лирой тоже,
и светом, и весной! Устроив ложе
из слуха, там свернулась и спала.

Спала во мне. И видела во сне
деревья, поразившие до дрожи,
и даль, и луг... И мой мороз по коже,
восторг, переполнявший душу мне.

Вселенная спала. Как ты добился, чем,
о певчий Бог, такого? Песня льётся,
и спит она, блаженство ощутив...

Где смерть её? Найдёшь ли сей мотив
ты до того, как музыка прервётся?
Куда она скользнёт? Как девочка совсем...

1999, 2006

Сонет III

Бог может так. А смертному-то как
сквозь лиры узость вслед за ним? Извечный
разлад в душе. Среди путей сердечных
храм Аполлона не стоит пока.

Ты учишь нас, что песнь не страсть, не стон,
не к некой цели верная дорога.
Песнь — бытие. Обычное для Бога.
Но в чём *мы* сами? И когда же *он*,

тасуя звёзды, всеми нами правит?
Ты рад ли, юноша, когда тебя дугою
сгибает, а твой голос Бога славит?

Забудь, что пел, — вот мой тебе урок.
Сие пройдёт. Взаправду петь — иное.
Господне дуновенье. Ветер. Рок.

1999, 2006

Сонет XIX

Мир, изменяясь, плывёт
теньей потоком,
всё совершенное ждёт
встреча с истоком.

Сквозь превращений круг
шире, свободней
льётся божественный звук
лиры господней.

Смысл страданий во мгле.
Кто б нас любви научил?
Путь наш куда из могил,

кто нам ответит?
Песня одна на земле
святит и светит.

1999, 2006

Из Георга Тракля

Зимой

Над стылой поседевшей пашней
Заря теряет цвет. С трудом
Бредут охотники. И галки над прудом
Кружат мрачней, чем день вчерашний.

Молчаньем гуща чёрных крон полна,
И проблеск из окна,
 Как след огня касаний.
Порою прозвеният,
 вдали промчавшись, сани,
И всходит медленно бесцветная луна.

Лежит убитый зверь. Вороны тащат,
От крови опьянев,
 куски. Печально сник,
Дрожит, качается сочувственно тростник.
Дым, стужа.
 В тишине
 шаги в пустынной чаще.

1997, 2005

Тлен

Когда вечерний звон покоем дарит,
Слежу, как птицы чередую мимо
Стремятся и, как будто пилигримы,
Теряются в осенней ясной дали.

Когда бреду смеркающимся садом,
Пленяет их судьба воображенье.
И я, не чувствуя часов движенья,
За облака их провожаю взглядом.

Но тлен дохнёт — и вздрогну, гляну шало.
В ветвях безлистных дрозд свой плач выводит.
Вино краснеет на решётке ржавой,

И бледные, в смертельном хороводе
Обнявшие колодец обветшалый,
Пригнувшиеся астры стужа сводит.

1999

Во власти ночи

пятая редакция оригинала

В тьму твою проникнуть мне бы,
Скинул мне свой открой, черница!
Росной кровью мир сочится;
Крест раздвинул звёзды неба.

Гаснет, тьмы покрытый тканью,
Пурпур губ, и под крестом
Только локоть, локон, стон,
Колокола умолканье.

Сад, плоды с дерев роняя,
Мерит время этой мерой.
Как могила, сумрак серый,
И химера жизнь земная.

1999–2005

Йоганне

Я шаги твои часто
Переулками слышу.
В облетающем сквере
Синева твоей тени.

Вечерело. В беседе
Я молчал за вином.
Капля крови скатилась
По виску твоему,

И бокал зазвенел.
Час тоски безысходной.
Как метёт от созвездий
Снегопад сквозь листву!

Сгинь, исчезни бесследно,
Ночи выплывший призрак.
Вечно губ твоих пурпур
Раной ноет во мне.

Словно вновь я спустился
С хвойных склонов зелёных,
Из былин, из отчизны,
Позабытой давно.

Кто мы? Синий меж мхами
Плач ключа среди чаши,
Где фиалки украдкой
Дарят запах весне.

Дух июньской деревни
Рода нашего детство
Осенял. Увядая
На вечерних холмах,

Мы, потомки седые,
Нашей крови полночной
Сжаты ужасом. Тени
Средь столичных камней.

1999–2006

Музыка в Мирабеле

Поёт фонтан. Пастель в природе.
Синь. Облака. И всё неярко.
Вечерний люд неспешно бродит
В темнеющих аллеях парка.

Седой старинный мрамор замер.
Курлыча, стаи пролетают.
И фавн незрячими глазами
Глядит туда, где тени тают.

Там листья, с дерева слетая,
Летят на свет окна из тени.
Огонь камина заставляет
Плясать по стенам привиденья.

Пришелец двери открывает,
Примчался пёс и лижет руки.
Служанка лампу задувает.
Слышны в ночи сонаты звуки.

2005

... СОДЕРЖАНИЕ ...

Сраженья Григория Певзнера (*Вадим Левин*) 7

CREDO: Некурящий и непьющий... 8

... ОТ ЗИМЫ ДО ОСЕНИ

Зима (*Лишь серый цвет на белом свете...*) 9

Идиллия 10

Утро 11

За окном дождя чечётка... 12

Вечер лепит и отбеливает дерево... 12

Я вышел в утро. Птахи пели... 13

Весна (*Сию в кайфу...*) 14

Удержал мороз листы ли... 15

Влажный воздух ноздри ватой... 15

Март 16

Стрижи забросили раскройки... 17

Пронзительно прозрачны небеса... 17

Восход 18

Время птиц и стихов... 19

Лето (*Если радугу из мая...*) 20

Таков сегодня лик небес... 21

Закат стрижами небо режет... 21

Летний дивертисмент 22

Ночное эротическое 24

Предосеннее 26

Осень (*Осень, вечер, дымный запах...*) 27

Утро дождиком смывает... 28

Сентябрьское.....	28
<i>Эта песня ни о чём, ни о чём...</i>	29
Простуженный лес	30
<i>У меня осенний грипп. И три дня...</i>	31
<i>У октября сегодня бес в ребро...</i>	31
<i>Поутру глаза разленил...</i>	32
Осенняя хандра.....	32
<i>Хоть в гамаках паучьих осень...</i>	33
<i>Осенний дождь слепей слепого...</i>	33
<i>Я — Иона во чреве ночи...</i>	34
<i>Весна без сна куда приятнее, чем осень...</i>	34
 ... ПЕРСОНАЖИ (У Парки болезнь Паркинсона...)	35
Козяв Козявыч.....	36
<i>Нездоровится вороне...</i>	36
Лукоморье (<i>вариации на избитую тему</i>).....	37
<i>Дело есть дело, заказ есть заказ...</i>	37
Зелёный медведь.....	38
Аз-Буки-Веди	40
<i>У Парки жизнь — не позавидуешь...</i>	41
 ... БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ (<i>Бог — он всё-таки Бог...</i>).....	42
<i>Не изменяется сценарий...</i>	43
<i>Слава Богу, что не всё «слава богу»...</i>	44
<i>Молюсь тем чаще, чем я старше...</i>	44
Попытка самоутешения.....	45
<i>Жить на свете нелегко нам...</i>	45
<i>Благодарю тебя, Господь...</i>	46
<i>Отрекаться нам от вины на кой...</i>	47
<i>Нарыву пророчества надо назреть...</i>	48
 ... ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ (<i>Планета выгнет спинку...</i>)	49
Харьков. Госпром.....	50
Берлин	51
Москва, Питер, Марбург	52
Прощание с Израилем.....	54
<i>Британской музы небылицы...</i>	54

... НЕ СВЯЗАННЫЙ УЗАМИ С МУЗАМИ

Лина (<i>Кому диктует Бог...</i>).....	55
<i>Я не Тристан и Тристаном не стану...</i>	56
<i>Когда на небе тучи вспухнут...</i>	56
<i>Поварёшка на стене у окошка...</i>	57
<i>Ночь к рассвету устало клонится...</i>	57
Прочие музы (<i>Повторяю раз за разом...</i>)	58
<i>Утро. Кухня. Мусор. Кафель...</i>	59
<i>Источник вдохновения</i>	59
<i>Порой хороши, чаще плохи...</i>	60
<i>Аполлон всучил кайло мне...</i>	60
<i>Наружу просятся стихи...</i>	61
<i>Лёгкий плод души строптивой...</i>	61
<i>Душа обязана трудиться...</i>	62
<i>Мне тоскливо, Господь!..</i>	62
<i>Непоэт и Муза</i>	63

... NOBODY IS PERFECT

<i>(Несовершенство тяготит сильней...)</i>	65
<i>Итак, не состоялся жизни ник...</i>	66
<i>Одуревшими глазами...</i>	67
<i>Высокопарное</i>	68
<i>Заброшен кем-то в судьбы ручей...</i>	69
<i>На стекле вагонном виснут...</i>	69
<i>Гонит век, как будто начат...</i>	70
<i>Лафа не в том, чтоб на лафете...</i>	70
<i>По следам...</i>	71
<i>Апрель на дворе ли, сную ли в июле...</i>	71
<i>Какая вязкая слякоть...</i>	72
<i>Стать боюсь я горстью праха...</i>	72

... АЗ ЕСМЬ... (<i>Во сне куда сильней, чем наяву...</i>)	73
<i>Каждый ищет своё...</i>	74
<i>Мы расстались вчера...</i>	74
<i>Я не сплю три ночи кряду...</i>	75
<i>Буря мглою небо кроет...</i>	75
<i>Осенние мысли</i>	76

<i>Упрямо утираемся с утра мы...</i>	77
<i>Песня</i>	77
<i>Вот, похоже, и всё...</i>	78
<i>Развешиваю память на просушку...</i>	78
<i>Память отрастает, как волосы...</i>	79
<i>Жизнь выкуриваю, как сигарету...</i>	79
<i>Мне много бы уметь...</i>	80
<i>Спокойная размеренная жизнь...</i>	80
<i>Когда бы всю тщету и бесполезность...</i>	81

CODA: <i>Вы будете смеяться...</i>	82
------------------------------------	----

... ПЕРЕВОДЫ

Из Фридриха Ницше

<i>Жёсткость</i>	84
<i>Ессе homo</i>	84

Из Иоганна В. фон Гёте

<i>Жалкие страхи...</i>	85
-------------------------	----

Из Райнера Марии Рильке

<i>Тиха мелодия ручья...</i>	86
<i>Начало</i>	86
<i>На сон грядущий</i>	87
<i>Сонет I</i>	88
<i>Сонет II</i>	88
<i>Сонет III</i>	89
<i>Сонет XIX</i>	90

Из Георга Тракля

<i>Зимой</i>	91
<i>Тлен</i>	92
<i>Во власти ночи</i>	93
<i>Йоганне</i>	94
<i>Музыка в Мирабеле</i>	95

Издательство «Меморис»
предлагает Вашему вниманию:

Евгений Финкель

«Глупая моя»

Полное название книги –

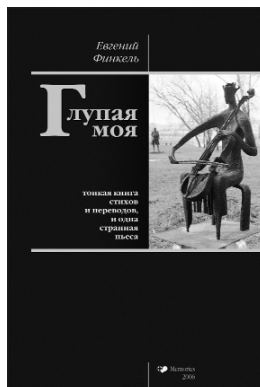
«Глупая моя. Тонкая книга стихов
и переводов, и одна странная пьеса».

Евгений Финкель родом из дома Грауэрмана, что на Арбате. Теперь он живёт в Израиле и иногда что-то пишет для своих детей – на вырост. Впрочем, не только для них.

Свои литературные труды автор
выкладывает на сайте

<http://finkel.tribune.co.il>

Некоторые из них собраны в этой книге.

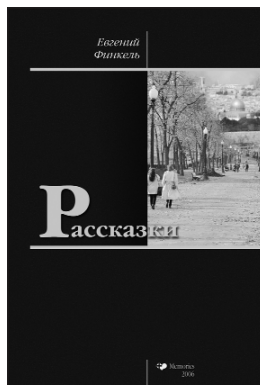
Евгений Финкель

«Рассказки»

...Каждая «рассказка» Жени Финкеля –

то крохотная машинка времени, то «волшебный фонарь» с заморскими диковинами, то беспощадный завораживающий самоанализ. Несмотря на то, что в книге нет ни одной иллюстрации, от нее остается полное ощущение толстого семейного фотоальбома. Возможно, не только из-за блестящей прорисовки деталей и персонажей, но и по той причине, что многие ситуации легко вызвать в своей собственной памяти. Если, конечно, вы родились в СССР во второй половине прошлого века.

Все эти случаи, эпизоды, зарисовки – смешные и грустные одновременно – в сочетании с долатовским даром рассказчика позволяют буквально прожить вместе с автором всю его жизнь от самого рождения до сегодняшнего дня. В особом, очень личном пространстве самоиронии — настоящей, интеллигентской, где каждая ситуация поневоле примеряется читателем на себя.

Прочитать отрывки из этих книг, а также заказать их
с доставкой по почте можно на сайте издательства

www.membook.ru

Издательство «Меморис»
предлагает Вашему вниманию:

Полумрак
«Книга Натаниэля»

Книга Натаниэля – основного Врага рода человеческого – в доступной и популярной форме не несёт совершенно ничего полезного. Не предназначена для широкого круга читателей.

Автор «Книги Натаниэля» хорошо известен в русскоязычном сегменте Живого Журнала как polumrak (www.polumrak.livejournal.com), лауреат Премии Паркера 2004-го года. В основе издания лежат тексты, публиковавшиеся в блоге автора с 2004 по 2005 год, которые после определённой литературной обработки сведены в единую книгу.

www.polumrak.ru

Ирина Белая
«Сказочные истории
для детей и взрослых»

Ирина Белая по специальности врач-психиатр, кандидат медицинских наук. Её удивительные истории появились в то время, когда она работала над диссертацией по психиатрии и психологии, и в них причудливо отразились разные научные закономерности и построения. Дети в этих сказках находят занимательные сюжеты и необычных героев, взрослым же будет интересен философский подтекст.

Прочитать отрывки из этих книг, а также заказать их с доставкой по почте можно на сайте издательства

www.membook.ru

Литературно-художественное издание

Григорий Певзнер

ЗЕЛЁНЫЙ МЕДВЕДЬ

стихи и переводы

Редакторы *Е. Вишневский, В. Левин.*

Корректоры *Н. Лейкина, К. Черкасова.*

Художники *С. и З. Ждановы.*

Технический редактор *В. Исаков.*

Вёрстка и оформление *И. Белый.*

Издательство «Меморис».

101000, Москва, Б. Златоустинский пер., д 2/8, стр. 1.

www.membook.ru

e-mail: info@membook.ru

Подписано в печать 17.04.2006

Формат 60х84/16. Бумага писчая.

Гарнитура Lazurski. Печать цифровая. Усл. печ. л. 5,81.

Тираж 400 экз. Заказ № 8.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie»

www.cherrypie.ru

Телефон/факс: (495) 255 7060.

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.